

Публикация и комментарии Л. Р. Ланского
"Литературное наследство", том 86
М., "Наука", 1973
OCR Бычков М. Н.

9 декабря 1864 г.

И я благодарю вас, милый Николай Николаевич, за воспоминания об А. А. Григорьеве -- и за помещение его писем¹. Благодарю вас -- *во-первых*, за то, что статья ваша как нельзя лучше напомнила мне мои первые, юношеские отношения к покойному Аполлону Александровичу -- мою веру в его гениальные способности,-- в его призвание быть критиком или замечательным мыслителем. Вы кончили тем, с чего я начал, но гораздо меня счастливее... никогда не кончите тем, чем я кончил...

Во-вторых, статья ваша, т. е. письма Григорьева, -- вероятно заставит меня опять приняться за "Свежее преданье" и продолжать его²...

В-третьих, письма, вами напечатанные, утвердили меня в том мнении, какое в последнее время я составил себе об Аполлоне Григорьеве.

Если оно и несправедливо -- то да не убоюсь я вам его высказать -- моя несправедливость не оскорбит и не обидит мертвого, тогда как его несправедливость или ваша может еще обидеть меня как живого. Впрочем, на святой Руси принято за правило: обижай человека пока он жив -- т. е. пока он это чувствует и понимает; а когда умрет,-- тогда не смей! Тогда воздай ему все то, чего ты лишил его при жизни,-- ибо мертвый этого не почувствует.

Не менее вас я жалею о кончине вашего друга³,-- он верил во многое, во что и я сохранил еще веру.-- Он не принадлежал к числу тех, к которым я когда-то обратился с следующими стихами:

Остановись! ужель намерен,
Безумец, не заметил ты,
Что потушил огонь последний
И смял последние цветы...

Григорьев был человек замечательный -- был одарен несомненно громадными способностями, и если б *ум его не был подвержен беспрестанным разного рода галлюцинациям*,-- он не остался бы непонятым и, быть может, был бы единственным критиком нашего времени...

Призраки беспрестанно мешали ему: истины он не видал,-- он иногда только ее вдохновенно угадывал -- он верил там, где надо мыслить, и мыслил там, где надо верить. Рутинка была ему невыносима; он искал нового пути -- быть может, даже не раз находил его, но ни сам не мог хорошо разглядеть его, ни другим указать...

Конечно, не он был виноват -- виновата природа, или сущность его личности. Он был человек двучинный -- двучинный не в пошлом смысле слова, но двучинный, как Янус,-- глядел назад -- глядел вперед -- и это мешало ходить ему -- спутывало иногда в мозгу его все эти в одно и то же время воспринятые и *задние и передние* впечатления.

Двойственное человека трудно было найти. В одно и то же время он совмещал в себе и попа и скомороха, и Дон-Кихота и Гамлета...

Если б Григорьев родился в XVII столетии -- он надел бы на себя вериги и босой, с посохом, ходил бы по городам и селам, вдохновенно проповедуя пост и молитву, и заходил бы в святые обители для того, чтоб бражничать и развратничать с толстобрюхими монахами -- и, быть может, вместе с ними глумиться и над постом и над молитвою...

В наше время Григорьев упивался православными проповедями -- уединенным мышлением Киреевского, погодинскими письмами, и в то же время переводил Байрона... В 1856 году говорил мне в Москве, что *целует конец кнута*, и наизусть читал патриотические стихотворения Майкова; а в 1860 году клал на музыку и пел известное стихотворение:

Долго нас помещики душили

и окрашивался в красный цвет на студенческих попойках того времени.

А